

ЖИТЕЙСКОЕ В ЖИЗНИ УРАЛЬСКИХ УЧЕНЫХ: С.В.Вонсовский

Сергей Васильевич Вонсовский (20 августа [2 сентября] 1910 — 11 августа 1998) — советский и российский физик, академик АН СССР (1966) и РАН (с 1991).

С 1971 по 1985 годы — председатель президиума Уральского научного центра АН СССР. С 1947 года профессор Уральского университета (физический факультет), с 1993 года был ректором Гуманитарного университета в Екатеринбурге. В 1992—1994 годах преподавал на математико-механическом факультете основанной по его предложению физ-мат группе.

Основатель уральской научной школы по теории твёрдого тела и физике магнитных явлений. Труды в области квантовой теории твёрдого тела, многоэлектронной теории металлов и полупроводников, теории ферро- и антиферромагнетизма, сверхпроводимости...

С.В. Вонсовский окончил Ленинградский университет в 1932 году. Он благодарно вспоминал В.И.Смирнова, О.Д.Хвольсона, Ю.А.Крутикова, В.А.Фока, П.И.Лукирского и других своих преподавателей ЛГУ. После окончания учебы был направлен в Свердловск, в Уральский физико-технический институт, где приступил к работе под руководством молодого профессора Шубина, ставшего для него главным учителем. Семен Петрович Шубин (1908—1938 гг.), ученик Л.И.Мандельштама и И.Е.Тамма, с отличием закончивший в 19 лет МГУ, уже успел отбыть первую ссылку за участие в троцкистской деятельности. Скоро появились общие статьи Шубина и Вонсовского по полярной модели, предложенной как синтез гомеоплярной модели Гейзенберга, описывающей систему локализованных моментов, и метода Слэтера для описания электронной системы металла. Эти пионерские работы по многоэлектронной физике твердого тела были опубликованы в престижном журнале английского Королевского общества и в харьковском журнале «Phys. Zs. UdSSR» на немецком языке. Тем не менее они остались во многом недооценёнными, в каком-то смысле опередив свое время.

В 1937 году Шубин был арестован и вскоре погиб на Колыме. Вонсовский, которому тогда было 28 лет, взял на себе все заботы о семье безвременно погибшего друга и учителя, что стало главным подвигом его жизни. После гибели Семёна Петровича он зарегистрировал брак, в котором состоял более 40 лет. Вряд ли бы удалось выстоять без поддержки М.Н.Михеева – многолетнего директора ИФМ, который сам не избежал временного снятия с должности за принципиальную позицию. И самого Вонсовского увольняли из ИФМ, но здесь помог Р.И.Янус, на несколько месяцев взявший его к себе в экспериментальную лабораторию.

С 1939 года С.В. Вонсовский – заведующий отделом теоретической физики ИФМ, затем заместитель директора. В военное время, выполняя оборонные заказы вместе с Р.И.Янусом, Сергей Васильевич работал в Нижнем Тагиле. Домой приезжали только на выходные, часто привозя с собой так необходимую для жизни картошку. Полностью истощенный, Сергей Васильевич отлеживался, почти все время дремал. Вся семья жила в одной комнате – остальные были заняты эвакуированными. Его первой наградой был орден Красной Звезды, которым он очень дорожил.

После войны жизнь постепенно налаживалась и смягчалась. Тогда институт располагался на краю города, дальше уже начинался лес. Жизнь была интересная. Сотрудники там же разводили огороды, их дети собирали лук, приносили на обед в институтскую столовую...

Не густо для академика, но это официоз. Разберёмся с детством Сергея Васильевича по неоконченным записям академика Юрия Александровича Изюмова (1933–2010) «ЖИЗНЬ, НАПОЛНЕННАЯ ВЫСОКИМ СМЫСЛОМ», опубликованными в ВЕСТНИКЕ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН. 2010. № 3 (33):

С.В.Вонсовский происходит из интеллигентной семьи. Его отец – Василий Семенович Вонсовский – учитель гимназии, преподавал физику. Мать Софья Ивановна – преподаватель и классная дама в женской гимназии. Мать из старинного дворянского рода. Ее отец был из бедной дворянской семьи. Предки Сергея Васильевича по материнской линии были медиками на военной службе. Дедушка по линии матери был

земским врачом. Во время Русско-турецкой войны лечил пленных турок, заразился от них тифом и умер. Бабушка вышла замуж за сельского учителя Н.С.Федотьева, он был из духовного сословия. Софья Ивановна, окончив в 1893 году Рязанскую гимназию, получила звание домашней учительницы и некоторое время работала в этом качестве в одном из поместий Рязанской губернии. Потом ее приняли на должность помощницы воспитательницы в Рязанское епархиальное училище, а год спустя повысили в должности – назначили воспитательницей. Но в конце августа 1897 года она из училища уволилась и отправилась к будущему мужу Владимиру Владимировичу Федотьеву (он приходился племянником ее отчиму, но в кровном родстве с нею не состоял). Владимир был военный и незадолго до намеченной женитьбы был отправлен служить в узбекский пограничный городок Мерке. В Мерке они поженились, но, к несчастью, брак их продолжался менее двух лет: муж тяжело заболел и умер. Молодая вдова с маленьким сыном Колюшей перебралась в Ташкент, где стала зарабатывать на жизнь частными уроками музыки, но в октябре 1900 года получила место классной надзирательницы в женской гимназии. А в ноябре того же года в гимназии появился новый учитель математики и физики – недавний выпускник Московского университета Василий Семенович Вонсовский. Они познакомились почти сразу, довольно скоро подружились, но когда Василий Семенович сделал ей предложение, Софья Ивановна ему отказала ... Важно, что только через 8 лет она согласилась выйти за Василия Семеновича замуж, чтобы прожить потом совместно долгих пятьдесят счастливых лет.

В 1910 году у них родился сын Сергей. Софья Ивановна мечтала сделать из младшего сына музыканта. Сама занималась с ним. Но первое время он саботировал музыкальные уроки. Душа стремилась к другому – к технике. На это повлияло одно событие – поездка Софьи Ивановны с Сережей в Москву в 1916 году к ее отчиму Н.С.Федотьеву, который был смотрителем Политехнического музея. Он жил в квартире при музее и свободно водил внука по залам, показывая уникальные экспонаты. С.В. часто вспоминал об этом. Политехнический музей был до революции замечательным просветительским учреждением. В его становлении большую роль играл физик Столетов. После революции в залах музея проходили замечательные диспуты с участием Луначарского, Маяковского. Посещения музея, видимо, дали толчок в развитии интересов Сережи. В Ташкенте он иногда убежал из дома и ехал на трамвае к городской электростанции. Большие ее окна почти все были раскрыты настежь, и мальчик днями стоял, наблюдая за работой машины. Особенная страсть у него была к паровозам. Он ездил на вокзал смотреть, как они работают. К шестому классу он знал о тогдашних паровозах все – их марки, устройство, скорость. Но вдруг неожиданно и музыка нашла дорогу к его сердцу. Он уже музицировал с удовольствием, участвовал в концертах.

Фото слева: Дедушка Н.С.Федотьев, бабушка Ю.А.Федотьева; фото справа: родители С.В.Вонсовского

В первой книге «Воспоминаний» у него есть целая глава посвященная музыке: «В нашей семье музыка всегда была в одном из первых мест. И тут главной «виновницей» была моя мамочка. Я всегда с большим удовольствием слушал мамины уроки музыки. Особенно когда я болел и лежал в папиной кровати и в щелку между гардеробом и буфетом даже подсматривал за мамой и ее учениками. Особое удовольствие мне доставляли мамины уроки с уже значительно подвинутыми учениками. Мама была прекрасной, опытнейшей учительницей музыки... Именно мамины замечания впервые оставили в моей детской памяти всю красоту той или иной вещи, все, что хотел рассказать людям автор пьесы. Так что первым моим учителем музыки, а по существу даже больше – музыкальной культуры, музыкального восприятия мира – была мама. Но она сама не хотела со мной систематически заниматься, считала, что со своими детьми она бы не сумела так беспристрастно и строго следить за исполнением той или иной вещи. Поэтому мама всегда просила заниматься со мной кого-нибудь из своих уже вполне подвинутых учениц, которые полностью следовали примеру мамы в своих педагогических занятиях. Очень я полюбил русскую музыку, начиная с М. Глинки. Очень нравились мне произведения «могучей кучки» – Балакирева, Бородина, Мусоргского. Но, конечно, кумиром был и остался Петр Ильич Чайковский. Я очень детально познакомился

с творчеством Александра Николаевича Скрябина, и он стал одним из самых моих любимых композиторов. И наконец, самой моей глубокой любовью стал мой тезка – Сергей Васильевич Рахманинов. Я его полюбил как великолепного творца произведений, проникнутых всем духом чудесной нашей русской природы» ...

У С.В. было вполне счастливое детство. Он был окружен родительской любовью – людьми тонкими и интеллигентными. Свою ответную любовь к родителям он пронес через всю жизнь. После окончания войны в 1946 году С.В. перевез их из Ташкента в свою семью, и они прожили вместе долгую жизнь.

В Ташкенте С.В. учился в хорошей школе, которая носила имя Песталоцци, швейцарского педагога. Директором школы был его отец – Василий Семенович. Он же физик. Класс был очень дружный. Преподаватели еще из дореволюционной России. Жизнь в Ташкенте была счастливым периодом. Впоследствии он каждый год на 9 мая ездил в Ташкент, чтобы встретиться со своими одноклассниками.

В 1927 году С. В. оканчивает школу. Он решает ехать в Ленинград и поступать в ЛПИ на факультет машиностроения, чтобы заниматься своими любимыми паровозами ... Но прием был исключительно по путевкам от отделов просвещения с мест. У С.В. таковой не было, и он вынужден был возвратиться в Ташкент. Он начинает учиться на физмате Среднеазиатского государственного университета – САГУ. Но в 1929 году САГУ ликвидируют (период американизации высшей школы: нужны узкие специалисты-инженеры), и в 1930 году он переводится в ЛГУ на 3-й курс физмата ...

Ещё раз обратимся к Ю.С.Изюмову по вопросу знаменитых Уральских зимних школ «Коуровка», получившей название по месту проведения первой школы: «Вот как пишет сам С.В. о том, как она возникла, в предисловии к буклету о юбилейной двадцатой школе, прошедшей в 1984 году на базе отдыха «Красный Яр»: «Когда в январе 1961 года на турбазе «Коуровка» близ Свердловска собралось около пятидесяти физиков-теоретиков обсудить наиболее актуальные текущие вопросы в области физики твердого тела, никто из участников не предполагал, что этим положено начало регулярным Уральским зимним школам – «Коуровкам». Во время работы первой школы решили собраться на следующий год еще раз, но никто не думал, что будет «Коуровка-10», «Коуровка-15», «Коуровка-20»... А теперь невозможно себе представить, что когда-нибудь «Коуровки» прекратятся. Первые Уральские школы, с первой по пятнадцатую, проводились ежегодно, следующие – через год. Их география охватывает широкий регион: Свердловскую, Челябинскую, Кировскую и Пермскую области. Разнообразие мест проведения, красивая уральская природа, устойчивая зима привлекают, конечно, в Уральскую школу многих теоретиков, но не эти факторы являлись определяющими в успехе и популярности школы, хотя трудно представить себе «Коуровку» без лыж. Успех первой Уральской школы определил характер и всю атмосферу последующих школ. Характерным для них сразу стал высокий научный уровень лекций и семинаров и широкий тематический охват материала. «Коуровка» – это не специализированная школа, посвященная какому-либо узкому вопросу. Напротив, в ней обсуждаются самые различные вопросы теории твердого тела, и единственным критерием, которым всегда руководствуются при выборе тематики очередной Зимней школы, являются ее актуальность и новизна. За 20 Уральских школ прошла перед ее участниками история развития теории твердого тела последней четверти века, а участники школ были ее непосредственными творцами ... ». С тех пор прошло еще 17 школ, последняя из них, «Коуровка-33», отметила свое 50-летие и была посвящена 100-летию со дня рождения С.В.Вонсовского ... Переоценить значение «Коуровок» невозможно: они устраняли барьеры между различными научными школами, перезнакомили и подружили физиков, живущих в различных частях нашей необъятной страны.

А сейчас «слушаем» фрагментарно Михаила Кацнельсона – одного из последних учеников Сергея Васильевича (о М.И.К. я намерен скомпилировать отдельный файл):

Сергей Васильевич прекрасно понимал, что, будучи оторван в течение ряда лет от непосредственной исследовательской работы, он не может в полной мере научить меня "ремеслу", т. е. необходимому техническому арсеналу. Поэтому сразу же после того, как я защитил кандидатскую диссертацию, он организовал мои длительные стажировки в Курчатовском институте, в лаборатории Спартак Тимофеевича Беляева. Так я познакомился и начал работать с Сашей, который стал моим самым близким другом (к несчастью, он умер три года назад). Мы с Сашей всегда могли рассчитывать на помощь и поддержку Вонсовского. Работая с молодежью, Сергей Васильевич никогда не рассматривал ее как "рабсилу" (что достаточно распространено в физическом сообществе), а заботился, прежде всего, о нашем профессиональном и даже, если угодно, духовном (при всей претенциозности этого слова, оно кажется уместным, когда речь идет о влиянии Сергея Васильевича) развитии.

С Сергеем Васильевичем было всегда очень приятно и интересно обсуждать научные вопросы. Он почти до самого конца сохранил какое-то чистое, детское любопытство. Помню, как за несколько месяцев до его смерти я рассказывал ему о новом направлении исследований в магнетизме - физике молекулярных магнетиков. Он был очень воодушевлен и задавал много глубоких вопросов. Его физическое чутье, особенно в области магнетизма, поражало. Благодаря общению с Сергеем Васильевичем, я стал понимать, что базовых идей в каждом разделе физики не так уж много, и поэтому не надо бояться "разбрасываться": физика едина, и если ты понимаешь достаточно глубоко любой ее раздел, ты понимаешь все.

Сергей Васильевич любил рассказывать, как при одной из первых встреч с Я.И.Френкелем тот дал ему полный список имевшихся тогда работ по квантовой теории твердого тела, включавший всего 12 статей! (сколько сейчас: 12 тысяч или 12 миллионов?) Думаю, что он так и не воспринял последующую сверхузкую специализацию (и был совершенно прав!). Ярким примером такой специализации, доведенной до абсурда, для меня осталась Международная конференция по магнетизму в Варшаве в 1994 году (где мы, кстати, были вместе с Сергеем Васильевичем - это была наша последняя совместная поездка на конференции и последний раз, когда я видел Сергея Васильевича в добром здравии и в бодром расположении духа): мало того, что чуть не половина докладов была посвящена мультислоям - важному в прикладном отношении, но все-таки достаточно частному вопросу, - так там еще были отдельные секции по двух-, трех- и т.д.-слойным системам ...

Между прочим, Сергей Васильевич постоянно подталкивал меня к занятиям физикой наночастиц, особенно их магнитных свойств. Тогда это не было модной областью; последующий взрыв интереса к так

называемой мезоскопике подтвердил лишний раз его исключительное чутье на перспективные направления... Магнитной мезоскопией я занялся намного позже, в связи с магнитными молекулами...

Мне довелось также много общаться с Сергеем Васильевичем по вопросам, связанным с образованием. Начиная с 1977 года, в мои обязанности которые никогда не были "формализованы" входило замещать его в случае необходимости в университете. Это были лекции по квантовой физике твердого тела для студентов экспериментальных специальностей на физфаке УрГУ. Надо сказать, что Сергей Васильевич был очень "добродушным" экзаменатором, и потому не по разуму прагматически настроенные студенты слушали его плохо, - дескать, все равно на четверку сдадут. Он не предупреждал студентов заранее о замене, и часто, придя в аудиторию, заполненную меньше чем на половину, я растерянно думал: это они так ходят на лекции к Вонсовскому?! Неужели они не понимают, что скорее всего большинство из них за всю свою последующую жизнь не будет иметь случая пообщаться с ученым такого уровня? Впоследствии выяснилось, что этого не понимают не только студенты: вскоре после того, как Сергей Васильевич перестал быть «Большим Начальником», из университета его без особых церемоний убрали. Курс-де у него был устаревший, экзамены он принимал слишком либерально и т.д. Экзамены, это да, - экзамены принимались либерально. Обычно мы принимали их вместе, и мне всегда было очень трудно смирять свой темперамент, подстраиваясь под уровень требований Сергея Васильевича. У Вали Ирхина, который с середины 80-х тоже часто помогал принимать эти экзамены, это получалось не в пример лучше. Я до сих пор помню, как первый раз инструктировал его, в каких случаях ставится двойка: если человек не может ничего осмысленного сказать о том, чем металл отличается от полупроводника, и т.д. Валя: "Ну это, наверно, несправедливо". Я: "Почему?" Валя: "Ну, может, человек этого не знает, а что-нибудь другое знает..." Это была, конечно, очень реалистическая и трезвая оценка уровня тогдашних студентов. Я считаю, впрочем, что либерализм Сергея Васильевича был в конце концов совершенно оправдан: на фоне его уровня действительно не было особой разницы между студентом-среднячком и кем-нибудь из преподавателей - столпов факультета; а раз нельзя поставить двойки последним, за что же мучить бедных студентов? Вообще, я глубоко убежден, что обучает и воспитывает вся личность преподавателя, и для студентов было - при всех издержках - куда полезнее видеть и слышать Сергея Васильевича - что бы он ни говорил! ... Все это тем более неприятно, что Сергей Васильевич относился к своей преподавательской работе с исключительной заинтересованностью и тяжело переживал своё отлучение от физфака. Он и потом преподавал: читал курсы истории естествознания в созданной им исследовательской физико-математической группе матмеха, позже - в Гуманитарном университете. Но об этом я писать не хочу: про группу - до сих пор больно вспоминать, как все хорошо начиналось, и чем закончилось, а про Гуманитарный университет лучше написать тому, кто больше знает об этой стороне деятельности Сергея Васильевича. Чтобы закончить воспоминания на тему "Сергей Васильевич и образование", скажу еще о часто повторяемой им мысли: степень важности и интересности научного результата определяется тем, имеет ли смысл рассказывать о нем студентам, а если речь идет о самых крупных результатах - школьникам. Простит меня Михаил, что встречаю в его повествовании, поскольку на одном этаже жили в общаге. Но я вспомнил, что чуть ли не Ландау говаривал, что «крупным ученым можно считать только того, кто попал в школьные учебники»...

Все-таки хочу рассказать о двух-трех ненаучных разговорах... Как-то во вполне советские времена, когда А.Д.Сахаров был в горьковской ссылке, Сергей Васильевич завел о нем разговор (было это у него дома, за обедом). Тон разговора был очень теплым и доброжелательным по отношению к Андрею Дмитриевичу, что тогда на меня действовало очень сильно (я был вполне стандартно-советским молодым человеком, и если и не верил без разбора всему, что пишут в газетах, то от диссидентских настроений был очень далек). Сергей Васильевич рассказал, со слов И.Е.Тамма, как Тамм и Леонтович принимали у студента Сахарова экзамен по теории относительности - и поставили ему тройку. Потом, чуть ли не ночью после экзамена, Тамм позвонил Леонтовичу и сказал что-то вроде: «Слушай, так ведь этот студент все правильно говорил?! Это мы с тобой ничего не поняли - это нам надо тройки ставить! Надо с ним еще поговорить». Так Сахаров стал учеником Тамма. Были рассказаны еще какие-то истории; кстати, Сергей Васильевич много говорил о борьбе Сахарова с лысенковщиной в начале 60-х годов; после этого Сергей Васильевич стал, в очень мягкой и деликатной форме, высказывать сожаления о том, что Андрей Дмитриевич переключился с науки на политику. В этом не было ничего конъюнктурного - Сергей Васильевич действительно сожалел об этом. Сейчас, после всех событий 80-х и 90-х, я думаю, что, видно, эти сожаления имели под собой некоторые основания. Андрей Дмитриевич дважды мощно повлиял на ход исторического процесса - и как создатель советской водородной бомбы, и как авторитетнейший деятель правозащитного движения; и в том и в другом случае вряд ли серьезный человек возьмется оценивать последствия по двухбалльной системе «хорошо-плохо». Так вот, возвращаясь к разговору: Сергей Васильевич, опять же в очень мягкой и деликатной форме, сказал что-то о роли второй жены Сахарова в смене интересов Андрея Дмитриевича. Помню мгновенную реакцию Любви Абрамовны: «Ну конечно, у вас всегда во всем жена виновата - не первая, так вторая» ...

... Мы с Сергеем Васильевичем поговорили о том, что Библия все-таки, в отличие от «Материализма и эмпириокритицизма», написана не для того, чтобы дубасить ею по голове непослушных естествоиспытателей. Публикация Сергея Васильевича в «Вестнике АН СССР» с ответом Тростникову написана традиционным «марксистским» языком, и, думаю, все-таки не вполне раскрывает взгляды ученого по затронутым там вопросам; в личных разговорах он больше говорил о своих сомнениях и вполне сочувственно выслушивал мои «наскоки». Помню один совершенно неожиданный разговор о бессмертии души... Рассказывать, собственно, нечего - кроме самого факта, что Сергей Васильевич, по-видимому, много и напряженно думал над «вечными» вопросами и явно на гораздо более глубоком уровне, чем об этом можно судить по его специально-философским публикациям. Безусловно, его влияние сказалось и в моём интересе к «околонаучным» мировоззренческим вопросам, которое, уже после его смерти, привело к написанию (Валей Ирхиным и мной) двух «псевдофилософских» книг и нескольких статей. Я хорошо помню, как Валя завёл со мной первый разговор о том, что потом вылилось в книгу «Уставы небес». Это было, когда мы возвращались с похорон Сергея Васильевича... Очень жаль, что мы не имели возможность обсудить с ним этот круг вопросов - мне кажется, его бы это очень заинтересовало.

Впрочем, дело не в разговорах на возвышенные темы, какими бы важными и интересными они бы ни были: для меня Сергей Васильевич навсегда останется примером (боюсь, что недостижимым) выполнения некоторых наиболее трудных евангельских заповедей - не судить, любить ближнего и стараться найти хорошее в каждом человеке. Сергей Васильевич ни в коем случае не был наивным человеком, - он прекрасно понимал все «прелести» нашего научного, говоря модным словом, истеблишмента, редко рассказывал совершенно потрясающие вещи из этой области. Однако при этом о людях всегда говорилось доброжелательно и уважительно - «ненавидь грех, и люби грешника». К несчастью для нас, тех, кто его окружал, этому научиться куда труднее, чем «ремеслу». Но это уже наша вина и наша беда. Возможность общаться с Сергеем Васильевичем - это было счастье...

Ну а теперь также кратко обратимся к статье Ирхина Валентина Юрьевича «Памяти С.В.Вонсовского»:

Мне посчастливилось общаться с Сергеем Васильевичем в последние годы его долгой и насыщенной событиями жизни, - когда я начинал свою работу в ИФМ. Наша семья дружила с семьей Татьяны Семеновны Шубиной, приемной дочери С.В., так что и раньше были короткие встречи с этим прекрасным и обаятельным человеком. Все эти эпизоды прочно остались в моей памяти. О многом я пишу и со слов Зинаиды Семеновны Шубиной... Сергею Васильевичу многое дало воспитание в семье - духовно богатой и с очень интересной историей. Он с трогательным вниманием относился к родителям, а затем и к собственной большой семье, приемным детям и внукам...

Будучи темпераментным и увлекающимся, С.В. азартно, как маленький ребенок, играл в волейбол с друзьями и родными, причем для укрепления сетки использовались всевозможные предметы женской одежды. Вместе с ближайшими друзьями - М.Н.Михеевым и Я.С.Шуром - собирались на застолье, и громко пели песню "Крутится, вертится шар голубой" ...

Отдыхали ученые дружно, вместе с семьями. Однажды заняли целый самолет (тогда они были небольшими, всего 15 мест), отправляясь отдыхать на Кавказ, в поселок Леселидзе. Отдыхали и в южноуральской деревне Воздвиженке. Собирали там, в диких местах, огромные грибы и ягоды, ловили необыкновенно больших рыб, не ведая, что эти природные красоты - следствие радиоактивного заражения под Челябинском... С.В. был большим патриотом Урала и родного ИФМ, даже не допускал мысли уехать на работу в Москву. Как часто шутила Любовь Абрамовна, у него были две любимые темы: "Какой хороший УНЦ" и "Физика - мать всех наук".

Известна деликатность С.В., его рыцарское отношение к женщинам, которые всегда отвечали ему любовью. С.В. был гостеприимным хозяином, любил пошутить, рассказывал анекдоты, всегда милые и старомодные. Он очень любил поэзию, во все поездки брал с собой тетрадку с выписанными стихами. Когда она становилась потрепанной - переписывал, и так несколько раз. Часто читал наизусть стихотворение "Заблудившийся трамвай" Н.Гумилева - тогда поэта почти запрещенного, мало кому известного. Вот собственное стихотворение С.В., написанное в молодости, вероятно в 1930-е годы:

Холодные тучи нависли так низко,
Свинцовый покров их нельзя разорвать.
Не верю, что счастье бывало так близко,
Печальные думы не в силах прогнать!
    Так хочется ласки и света...
    Тоскую о призрачном счастье.
    Душа одинокая жаждет привета,
    А в сердце - глухое ненастье...

Холодные тучи нависли так низко,
Свинцовые капли стучат под окном.
Не верю, не верю бывалому счастьем,
А думы печальные все о былом...

С.В. очень любил классическую музыку, особенно Рахманинова, сам играл на фортепьяно, сам пробовал сочинять. Известный в семейном кругу музыкальный этюд С.В. в его собственном исполнении звучит в документальном фильме "Выбывший оставил вещи..."

Будучи увлеченным автолюбителем, С.В. обычно сам водил машину и на своей Волге любил ездить по окрестностям города. Лето он проводил на Шарташе, где регулярно снимал дачу (свою так и не получил, несмотря на все научные заслуги); сюда его семья приглашала гостей.

Многие физики - друзья и знакомые моего отца, Юрия Павловича Ирхина - были, как и он, учениками С.В. и говорили о нем с неизменной теплотой. Впрочем, вряд ли стоит дублировать здесь воспоминания самого С.В. и заметки Миши Кацнельсона, очень хорошо рисующие стиль научной работы и общения С.В. с учениками. Поэтому - только несколько дополняющих мыслей и деталей.

Важнейшим человеческим качеством С.В. была доброта, которой многие пользовались и часто злоупотребляли: он был просто физически не способен причинить человеку боль отказом, когда его о чем-то просили. Он много помогал в тяжелое советское время своим коллегам и ученикам - не только способствуя решению материальных проблем, но и морально, «прикрывая» своим колоссальным авторитетом, защищая от давления власти. К сожалению, далеко не все они продолжали навещать Сергея Васильевича и поддерживать с ним отношения, когда он ушел с высоких постов и болел.

Сергей Васильевич никогда не был членом комсомола и партии. Его неоднократно вызывали с настоятельными предложениями вступить в КПСС. Противостоять давлению с его мягким характером было непросто, но он каждый раз вспоминал слова Любви Абрамовны: «Как ты будешь смотреть мне в глаза?». Административные и депутатские обязанности оставляли С.В. мало времени на занятия наукой (и тем более свободного времени), но вход в его кабинет был всегда открыт для учеников. Разговаривать с ним было легко и просто - он был внимателен к любому собеседнику, независимо от его должностей и регалий ...

... Последние годы жизни С.В. посвятил работе над своими воспоминаниями и учебником "Современная естественно-научная картина мира". Несмотря на ослабевшее зрение и постоянные сильные боли, Сергей

Васильевич упорно работал, не жалея сил, которых оставалось немного. Чтобы сохранить свои тексты, он осваивал персональный компьютер, в чем ему особенно помогал Герман Германович Талуц. Живя на Шарташе, он вставал в семь утра и печатал, печатал. Рядом уже не было его жены - Любви Абрамовны, которая была ему неоценимым помощником... Первоначально С.В. планировал написать учебное пособие по естествознанию для Гуманитарного университета, одним из основателей которого был. Но книга быстро вышла за эти рамки: он чувствовал необходимость передать не только свои знания физики, но и культурные традиции своего поколения.

С.В. сумел увлекательно, но не снижая уровня, изложить многие сложные концепции современной физики: фундаментальные симметрии, проблему "великого объединения" всех взаимодействий, теории суперсимметрии и суперструн... Однако "Картина мира" важна нам не только с учебной точки зрения, но и как свидетельство духа безвозвратно уходящего времени. Эта книга получила высокую оценку и в Екатеринбурге, и среди гуманитариев Москвы и Санкт-Петербурга ... Книга дважды издана и пользуется большим спросом, широко цитируется в Интернете, разобрана на рефераты прагматичными студентами...

Будучи крупной личностью, С.В. во многом остался не понятым. Даже в беседах с учениками он нечасто позволял себе откровенность в мировоззренческих вопросах. Было бы неправильно судить о мировоззрении Сергея Васильевича по его немногочисленным публикациям, касающимся философских вопросов: на них наложило свой отпечаток тяжелое время, пережитое нашей страной ... Уже в первые годы перестройки С.В. вступил в дискуссию с известной публикацией В.Н.Тростникова «Научна ли "научная картина мира"?» (Новый мир, 1989), отстаивая физическую картину мира от необоснованных упрощений. Статья Тростникова - одна из первых своего направления, очень эмоционально, местами наивно написанная, но далеко не из худших... Кое-что из мыслей С.В. звучит актуально на фоне невежественного религиозного фундаментализма, готового подорвать школьное образование. Вместе с тем, насколько отличается критика С.В. по тону от ругани «противоположной» стороны - некоторых современных «борцов с лженаукой», даже не осознающих своего невежества в гуманитарных сферах ...

... Однако дело на этом не кончилось: духовный труд С.В., его работа над собой продолжалась. Он много читал, обдумывал; в его воспоминаниях можно найти и выписки из Нового Завета: "...когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал, а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы через тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу, теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан..." В наступающее новое время, когда наша жизнь круто менялась, Сергей Васильевич сумел многое переосмыслить. Несколькими годами позднее (в январе 1994) он напишет своему близкому другу Т.П.Козляковской: «И вот то, что я написал в ответ на статью Тростникова из "Нового мира", - это тоже еще отрывок от рабства. И вот, может теперь... я найду в себе силы душевные, чтобы изгнать все рабское, что сохранилось внутри меня. В чем я согласен с тобой полностью - это с тем, что должна быть какая-то идея. Здесь может быть много разных путей. Здесь и наука, и искусство, и религия. Все они ставят свои цели. Самое главное, это чтобы общество было высоко интеллигентным, вот, наверно, это самое главное, мой друг».

Один из последних представителей российской интеллигенции, С.В. призывает быть открытым новому, постоянно двигаться к истине и духовной свободе - на всех доступных путях. Эти строки звучат как завещание не только крупного ученого, но и настоящего Человека российскому обществу ...

... В обращении к молодым участникам «Зимней XXVII Коуровки» Сергей Васильевич написал: «Дорогие мои! Успехов вам. Будьте верными любимой науке. Будьте щедрыми, делитесь своими знаниями. И пусть вас уважают и как прекрасных ученых, и как не менее прекрасных людей». Таким был и сам Сергей Васильевич Вонсовский.

Почти нигде не пишут о роли Сергея Васильевича в становлении физико-технического факультета УПИ, открытого в 1949 году, изначально для подготовки специалистов ядерной промышленности. Может это связано с некой секретностью вокруг факультета вплоть до 70-х годов. Обратимся к книге, посвященной 60-летию факультета:

Первая физическая кафедра № 23 начала свою работу в мае 1949 года. Коллектив скомплектовали из ученых УФАНа, работавших на кафедре по совместительству: заведующий кафедрой доктор наук С.В.Вонсовский ... Как и на других кафедрах, опыта подготовки кадров нового профиля не было. С.В.Вонсовский лично разрабатывал программы курсов, в которых закладывались основы фундаментальной физико-математической подготовки будущих технологов. Первые преподаватели читали цикл дисциплин теоретической физики (атомная физика, электродинамика, аналитическая и квантовая механика, физика ядра), химию урана, дополнительные главы математики. Кафедра пошла по правильному пути – подготовки физиков широкого профиля, что дало возможность использовать специалистов и на производстве, и в научной работе ...

В другом месте книги: Организацией физико-математической подготовки первых выпускников факультета занимался известный уральский физик-теоретик, член-корреспондент АН СССР, профессор С.В.Вонсовский (позднее – Герой Социалистического Труда, академик, Председатель президиума УНЦ АН СССР). Благодаря ему, в 1951 году была организована кафедра №24 (ныне кафедра экспериментальной физики) – первый учебно-научный ядерный комплекс Уральского региона. Первым ее заведующим был назначен известный ученый Института физики металлов УФАНа СССР Р.И.Янус ...

Первым оборудованием кафедры явился современный [для того времени] парк ускорителей заряженных частиц: 120-см циклотрон Р-7 для ускорения тяжелых заряженных частиц до энергий 30 МэВ, электростатический генератор ЭГ-2,5, рассчитанный на работу в ионном варианте, а также два бетатрона – ускорители электронов с максимальными энергиями 5 и 15 МэВ ...

Мне не пришлось видеть и слышать С.В.Вонсовского, но однажды, сразу после защиты мною дипломной работы, было предложено (думаю, что несерьезно, поскольку предложение исходило от человека, которого серьезным можно было называть условно) замолвить перед С.В. словечко обо мне. Но я об этом рассказу где-нибудь в другом месте.

Я помню дочь Шубина, Татьяну Семёновну, которая работала доцентом на кафедре общей физики УрГУ. Помню, в году так 76-ом зашла она ко мне в препараторскую Большой физической аудитории, где я служил лаборантом, для согласования того, какие бы лекционные эксперименты она хотела увидеть на её лекциях по физике, которые она читала студентам химического факультета, и что я могу ей предложить при этом. Поскольку препараторская в некоторой степени была и моим жилищем, то у меня на большом письменном столе стоял собственноручно изготовленный стеллаж, на котором стояли книги по физике и математике, как мои собственные, так и взятые в университетской библиотеке. Татьяна Семёновна долго и внимательно рассматривала корешки книг, а потом сказала: «Да, очень многие из этих людей бывали в нашей квартире. А Ландау был очень грубым и неприятным человеком». Подробности расспрашивать я постеснялся. А зря, о чем сейчас очень жалею...

Поскольку Сергей Васильевич учился у Хвольсона, то я бы хотел добавить несколько строк об этом человеке, - «уральцем» он даже на день не является, а вспомнить о нём в других компиляциях не представляется возможным.

Орест Данилович Хвольсон (XII.1852 - V.1934) — российский и советский учёный-физик и педагог. Родился в Санкт-Петербурге в семье известного ученого-семитолога Д.А.Хвольсона. Получив среднее образование в гимназии Карла Мая, Хвольсон в 1869 года поступает на физико-математический факультет СПУ, который заканчивает в 1873 году с золотой медалью.

В 1895 году Хвольсон становится членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук и членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, а в 1920 году избирается почётным членом Российской академии наук (с 1925 года АН СССР).

После 1896 года Хвольсон занимался главным образом составлением пятитомного «Курса физики», который в значительной мере содействовал поднятию уровня преподавания физики и долгое время оставался основным пособием в советских вузах. Этот курс был переведён на немецкий, французский и испанский языки.

Сейчас я буду вспоминать книгу «Юность академиков», которую у меня давно-давно кто-то замылил, а в электронном виде я её не нахожу. Хвольсон был меньше ученым, а больше педагогом, - если говорить об его исследованиях и экспериментах, то они большей частью повторяли то, что было напечатано в иноземных журналах. Дело нужное и полезное для подтверждения результатов, но как бы менее ценное, чем оригинальные эксперименты. Оресту Даниловичу очень хотелось стать действительным академиком, но его никак не избирали. Советская власть в 20-м году присвоила ему звание Почетного члена российской академии наук (или как говорили, что он стал Почетным академиком). На этот счет Орест Данилович с грустью шутил, задавая вопрос: «Чем отличается почетный академик от академика?», - тут же сам и отвечал: «А тем же, чем милостивый государь отличается от Государя».

Но пользы Отечеству О.Д.Хвольсон принёс zelo много на педагогическом поприще, - около полувека студенты-физики изучали Общую физику по его 5-томному «Курсу физики»...

Фото слева: С.Шубин (справа), С.Вонсовский (слева).

Фото справа: С ветеранами «Коуровок»

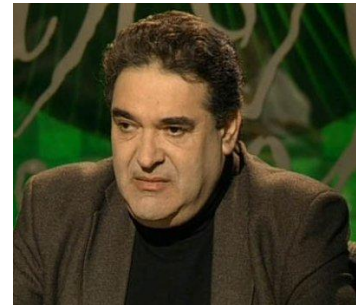
О.Д.Хвольсон

Ю.А.Изюмов

В.Ю.Ирхин

М.И.Кацнельсон

Скомпилировал В.Д.Кинёв, 2-я версия от 15 августа 2013 года